

17. Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj dokumentacii Astrahanskoj oblasti (GASD AO). F. 6, Op. 1, D. 1126.
18. GASD AO. F. 9, Op. 1, D. 721.
19. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (GASO). F. 1723, Op. 2, D. 1200.
20. GASO. F. 2052, Op. 13, D. 4.
21. *Zakonodatel'nye i administrativno-pravovye akty voennogo vremeni*. Moscow, 1943.
22. Ivanov N.G., Georgievskij A.S., Lobastov O.S. *Sovetskoe zdravooхранenie i voennaja medicina v Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)*. Leningrad, 1985.
23. *Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza. 1941–1945*. Moscow, 1960–1965, vol. 2.
24. *Kommunist (Saratov)*. 1945, 15 April.
25. Krasnozhenova E.E. Osobennosti reshenija zhiliwno-kommunal'nyh problem v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Nizhnego Povolzh'ja). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2012, no. 2 (16), vol. II, pp. 101–103.
26. Panarina E.V. Organizacija sistemy zdravooхранenija na Severnom Kavkaze v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obwestvennye nauki*. 2008, no. 3, pp. 56–60.
27. Panarina E.V. *Reshenie social'nyh problem Dona i Severnogo Kavkaza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. Armavir: Izd-vo Armavirskogo gos. ped. uni-versiteta, 2009.
28. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)*. F. 17, Op. 88, D. 339.
29. RGASPI. F. 17, Op. 88, D. 219.
30. RGASPI. F. 17, Op. 122, D. 21.
31. RGASPI. F. 82, Op. 2, D. 391.
32. RGASPI. F. 82, Op. 2, D. 686.
33. *Sovetskij tyl v pervyj period Velikoj Otechestvennoj vojny*. Moscow, 1988.
34. Hramkov L.V. *Sovety deputatov trudjavihsja Povolzh'ja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* Saratov, 1973.
35. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO)*. F. 71, Op. 2, D. 133.
36. CDNIVO. F. 71, Op. 2, D. 135.
37. CDNIVO. F. 113, Op. 12, D. 8.
38. CDNIVO. F. 113, Op. 12, D. 67.
39. CDNIVO. F. 113, Op. 14, D. 15.
40. CDNIVO. F. 171, Op. 1, D. 147.

**РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ В СЕРЕДИНЕ 20-х – НАЧАЛЕ 30-х гг. XX в.**

Сычев Михаил Сергеевич, атаман Астраханского регионального отделения «Астраханское Казачье Войско» Общероссийской общественной организации «Союз казаков»

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Тагищева, 20а
E-mail: ataman_akv@mail.ru

Автор исследует проблемы создания и развития национальных органов власти в системе советского государства на материалах Астраханского края. Основное внимание автор уделил раскрытию направлений партийно-советской политики в отношении тюркских народов, компактно проживавших на территории региона.

Ключевые слова: национальная политика, национальное меньшинство, национальный район, ликвидация неграмотности, районирование, национальный сельсовет, кочевник, органы советской власти, тюркские народы, большевики, партийные ячейки.

THE DEVELOPMENT OF NATIONAL ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL UNITS IN THE LOWER VOLGA REGION IN THE MIDDLE OF THE 20^S – BEGINNING OF 30^S XX CENTURY

Sychev Mikhail S., ataman of the Astrakhan regional office «Astrakhan Cossack Army» of the All-Russian public organization «Union of Cossacks»

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: ataman_akv@mail.ru

The article explores the creation and development of national state authorities in the system of the Soviet state based on the materials of the Astrakhan region. The main attention is paid to the revision of the of the Soviet party policy with respect of the Turkic nations which compactly resided in the region.

Keywords: *National policy, Minority group, the national district, Liquidation of illiteracy, Division into districts, National village Council, Nomad, Organs of the Soviet power, Turkic nation, Bolsheviks, Party units.*

Победа в Гражданской войне на национальных окраинах вселила в большевиков уверенность не только в правильности, но и успешности своей национальной политики. Необходимость радикальных, пропагандистских шагов, провозглашенных «Декларацией прав народов России», стала исчезать и терять свою актуальность. С переходом к НЭПу для большевиков на первый план выходит задача сохранения политического господствующего положения в новой для себя общественной обстановке. Однако у руководства страны в 1920–1930-е гг. существовало только общее видение путей и подходов в разрешении вопроса этнических меньшинств, под которым понималось «уничтожение той фактической отсталости (хозяйственной, политической, культурной) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого» [15].

Важное значение в выработке направлений в национальной политике имело проведение в 1926 г. первой Всесоюзной переписи населения, которая охватила всю страну. При переписи 1926 г. впервые были подробно изучены семья, грамотность и этнографический состав населения страны. Особенностью была постановка вопросов о народности вместо национальности, чем преследовалась цель дать более детальную картину этнографического состава населения страны в целом и каждого региона в отдельности.

По данным переписи, численность населения Астраханской области составила 508 тыс. 859 чел., из которых русские составляли 380 тыс. 026 чел. или 74,7 %. Наиболее крупными нерусскими национальностями были: казахи (по переписи именовались казаки) – 45866 чел., татары – 48483 чел., евреи – 6091 чел., калмыки – 4357 чел., армяне – 3115 чел., немцы – 2808 чел., туркмены – 1266 чел. [1, 5].

Руководству Астраханской партийной организации приходилось учитывать, что в отдельных районах удельный вес тюркского населения был достаточно велик. Так в Марфинском районе этот показатель составил 65 %, в Астраханском – 56,3 %, в Красноярском – 38 %, Харабалинском – 12,2 %. Поэтому партийные и советские органы сосредоточили свою работу по управлению национальными процессами именно в тюркской среде.

Обстановка в местах компактного проживания национальных меньшинств характеризовалась слабой профессиональной подготовкой национальных кадров, несовершенством национального образования и огромным количеством неграмотных и малограмотных как на русском, так и на национальных языках. Только в Красноярском, Наримановском и Володарском районах не охваченными пунктами по ликвидации неграмотности было около 11,5 тыс. человек. В Володарском районе и к 1938 г., несмотря на принимаемые меры, из-за переселения казахов, число неграмотных превысило 6,9 тыс. чел. [9]. Большое влияние на тюркское население имело духовенство. Особенно сильны были религиозные настроения среди татар. Например, когда в За-

царева советскими органами было принято решение построить школу на месте мечети, то «вся масса татар и богатые и бедные, несколько дней работали бесплатно, дабы перенести мечеть в другое место» [6]. В 1928–1929 гг., в рамках коллективизации, начинается наступление на мусульманское духовенство. Вместо прежних антирелигиозных кампаний в дни Рамазана, Уразы Курбан-байрама начинается политика запугивания татарского и казахского населения, обложения духовенства высокими налогами, запрет на вступление последних в колхозы и кооперативы, лишение их земли.

В 1925 г. начинается процесс районирования, в ходе которого из уездов выделяются районы, а из волостей – сельские советы. 25 июня 1925 г. бюро губернского комитета РКП(б) (далее – губком) приняло решение о выделении 12 районов из трех уездов, в том числе двух национальных районов Марфинского (современное название Володарский район) – казахского и Зацаревского (Наримановского) – татарского [2]. Образование низовых национальных административно-территориальных единиц в Астраханской области в целом совпадает с аналогичными процессами в РСФСР. Ряд современных исследователей выделяет при этом три этапа:

1) 1920–1925 гг., когда процесс районирования только начинался и не носил централизованного характера, но учитывал национальный момент;

2) 1925–1933 гг., период массового создания административно-территориальных образований этнических меньшинств; о завершении этого процесса было заявлено в декабре 1933 г. на III Всероссийском совещании уполномоченных по делам национальных меньшинств;

3) начало процесса ликвидации и реорганизации национальных районов и сельских советов, который можно отнести к началу 1937 г. Национальные районы и сельские советы рассматривались партийными и советскими органами, как своеобразная форма самоопределения для национальных меньшинств.

К 1929 г. национальными административными единицами были Астраханский (татарский) и Марфинский (казахский) районы и 73 национальных сельских советов. Наличие национальных районов позволяло поставить под контроль партийных и советских органов процессы, идущие в национальной среде, реагируя на все изменения. Так для культурного подъема и экономического благосостояния национального села была разработана специальная программа по датированию и кредитованию. Одновременно шел процесс коллективизации. К июлю 1929 г. образовалось 68 колхозов с преобладанием нерусского населения, из которых 50 были сельскохозяйственными, 8 – морскими, 10 – речными ловцами [13]. Однако коллективизация и кооперация среди татарского и казахского населения развивались крайне медленно, в первую очередь из-за слабого кредитования новых хозяйств. Недостаточное финансирование приводило к срыву многих начинаний и экспериментов органов советской власти. Большой проблемой стало выполнение волонтеристского решения о переселении казахов, проживавших в Красноярском и Харабалинском районах, в национальный Марфинский, к чему районные власти оказались слабо подготовленными. Еще более серьезная обстановка возникла в период 1931–1932 гг., когда с территории Казахстана в Астраханский край, с целью закрепления на земле, переселилось 7000 чел. кочевого населения. Однако ни районный комитет партии, ни органы исполнительной власти не предприняли необходимых мер по обустройству семей кочевников. Медицинская помощь поголовно больным переселенцам (трахома, туберкулез, сифилис) не была вовремя оказана. Потребовалось вмешательство губкома партии, в ультимативной форме потребовавшего скорейшего возведения жилых построек, отправки медицинских отрядов, недопущения падежа скота. Однако принимаемые меры оказались запоздалыми, что заставило 500 кочевых хозяйств откочевать обратно [9].

Перемены в государственной политике потребовали и изменений в руководящих партийных органах. В 1928 г. Астраханский окружком ВКП(б) принимает решение перейти к штатной инструкторской основе, так как ведение национальной политики посредством выборных секций на конференциях национальных меньшинств было признано не продуктивным. Руководство национальными процессами отныне

сосредотачивалось на двух национальностях – татарах и казахах. При агитационно-пропагандистском отделе окружкома партии для них были утверждены две штатные инструкторские должности и три внештатные – для остальных. Главным инструментом в управлении национальными процессами среди тюркского населения становятся наряду с созданием национальных районов и сельских советов коренизация кадров, перевод делопроизводства в национальных районах на родные языки.

Важным инструментом в активизации этого процесса были выборы в советы всех уровней, проводившиеся в 1926–1927 гг. В соответствии с инструкциями ВЦИК на татарский и казахский языки были заранее переведены повестки для избирателей на избирательные участки, лозунги, листовки. Для разъяснения задач выборов в села и аулы выезжали представители губизбиркома, которые встречались с национальной беднотой, женщинами и молодежью. Встречи с населением члены избиркома проводили на родном для избирателей языке. Несмотря на невысокую явку на предвыборные собрания, связанную с тем, что встречаться с людьми приходилось на открытом воздухе в холодную погоду, сами выборы прошли успешно. До 90 % кандидатов, выдвинутых на предвыборных собраниях, прошли в сельсоветы [3].

Партийные комитеты различных уровней постоянно требовали увеличения представителей национальных меньшинств в руководящем составе органов советской власти, профсоюзных, общественных, кооперативных и других учреждений. В ускоренном порядке на руководящие должности были выдвинуты 50 человек из числа татар и казахов. Для привлечения женских национальных кадров шло расширение сети женских общественных организаций [12]. С 1925–1926 гг. губисполком начал проведение нацменизации советского аппарата в селах с компактным проживанием не русского населения. Из 53 сельсоветов в 22-х делопроизводство перешло на родной язык.

Уже к концу 1928 г. в Астраханской губернии насчитывалось 39 сельсоветов, переведших делопроизводство на родной язык. В их числе были 20 татарских и 19 казахских сельсоветов. Однако ни один из национальных районов не смог перевести свое делопроизводство на нерусские языки. Безусловно, по этой причине коренизация не затронула милицию, суд, кооперативы и т.д., хотя попытки создать судебно-следственный участок для тюркоязычного населения предпринимались.

Несмотря на отсутствие квалифицированных кадров конторских работников из числа татар и казахов, губисполком продолжал продавливать необходимость коренизации всех национальных сельсоветов. Однако, когда этот процесс ускорился, губисполком оказался не готов к такому росту числа национальных сельсоветов. В 1927 г. была обследована работа лишь 9 национальных сельсоветов или 13 % от их общего количества, а президиум губисполкома – только двух [16].

Потеря контроля со стороны партийных и советских органов за процессом коренизации тут же привела к негативным последствиям. Ошибки в национальном строительстве в Астраханском крае были обнаружены в ходе громкого уголовного процесса – «Марфинского дела». Район изначально был определен как национальный, казахский, поэтому в его работу кроме казахской секции ВКП(б) старались не вмешиваться. Во главе райкома партии и райисполкома стояли коренные жители, А. Буханов и Мусаргалиев. За 8 лет в районе прием в партию и назначение на ответственные посты шло по-родственному или приятельскому принципам. Выдвижение активистов на работу в органы советской власти из числа рядовых членов партии и бедняков прекратилось. Кулаки-родственники, соседи или знакомые освобождались от всех видов налогообложения, выдвигались и избирались в советы всех уровней. Любая критика власти сразу пресекалась. В отношении представителей бедноты, пытавшихся жаловаться или критиковать, применялись самые жестокие меры – от битья нагайками до ареста и суда. Не на высоте оказались и органы ГПУ, по непонятным причинам осуществлявшие такой слабый контроль. Учитывая создавшуюся ситуацию, губкомом партии и губисполкомом были приняты радикальные меры по ее оздоровлению. Партийная организация Марфинского района подверглась чистке и была рас-

пущена, а работники аппарата райкома партии и райисполкома арестованы и осуждены [11]. Дальнейший ход коренизации шел под усиленным партийным контролем.

Намного активнее шла работа в Зацаревском татарском районе, где основными национальными группами населения, кроме русских, главным образом были татары и туркмены. Из 14 национальных сельских советов делопроизводство было переведено на татарский язык в 11, а, в трех, в том числе в Зацареве и Мошаике, делопроизводство велось на русском языке, так как в этих селах проживало более половины не татарского населения. Наблюдался рост районной партийной организации за счет национальных кадров коммунистов. За 1927 г. он вырос на 25 % по отношению к общему числу большевиков района, а, в общем, по губернии – на 4 %. За год возникли две новые партийные ячейки в национальных селах: Татарской Башмаковке и Осыпном Бугре. Активизировалась культурно-просветительская работа в национальных сельсоветах, которая строилась на базе 6 изб-читален и 4 «красных уголков». По специальному графику жителей сел обслуживала кинопередвижка [7].

Используя накопленный опыт, горком ВКП(б) принимает решение о полном переводе на национальные языки делопроизводства Марфинского и Астраханского (Зацаревском) районов, сельских советов в Красноярском, Зеленгинском и Камызякском районах, с преобладающим тюркским населением. Главным препятствием в дальнейшей коренизации стала острейшая нехватка национальных кадров. Для их пополнения были срочно открыты 3-хмесячные национальные курсы. Однако восполнить за столь короткий срок пробелы в образовании оказалось невозможным, и, окончившие курсы 32 специалиста из числа казахов оказались слабо подготовленными. Несмотря на это 24 человека были направлены секретарями сельских советов, а 8 человек – направлены в села для культурно-просветительской работы.

Очень трудно давался переход делопроизводства на родной язык в казахских селах, так как делопроизводителей на национальном языке держать было дорого, да и райисполкомы продолжали внутрирайонную переписку на русском языке [8]. Поэтому распоряжением горкома партии при всех советских и партийных органах национальных районов вводились переводчики для подготовки документов. В соответствии с рекомендациями по ведению делопроизводства, заведенные ранее дела и книги на русском языке продолжали вестись, но уже на национальном языке. Новая документация велась только на национальном языке. Выдававшиеся документы губернского и государственного значения должны были быть на национальном языке с переводом на русский (удостоверение личности, принадлежность скота и т.д.). Подписи на финансовых и почтовых документах ставили на русском языке.

К документам, подлежащим заполнению строго на тюркских языках, относились: 1) все протоколы общих собраний граждан и заседаний сельсоветов; 2) акты гражданского состояния, включая метрические записи; 3) государственные законодательные акты, воззвания к населению; 4) различная реклама. Переписка национальных сельсоветов с райисполкомами, как и между райисполкомами тоже подразумевалась на нерусских языках. Все общественные организации, культурные и образовательные учреждения на территории коренизованного сельсовета также должны были использовать национальные языки.

Однако из-за непродуманности в делопроизводстве возникли значительные трудности. Так, если нацменизированный сельсовет пытался вступить в переписку с сельсоветами или учреждениями, ведущими канцелярию на русском языке, он посылал свои документы только через райисполком, где их переводили. Обратная переписка проходила те же инстанции. Ответственность за данную работу возлагалась на председателя или одного из членов райисполкома, если они были из националов. В национальных райисполкомах вводился особый штат из 2–3-х делопроизводителей, грамотных на родном и русском языках. Это было тем более необходимо, так как коренизация буксовала ввиду отсутствия квалифицированных двуязычных специалистов [4].

Уже во время выборов в советы в 1931 г. горком ВКП(б) потребовал увеличить представительство татар и казаков в сельских советах национальных районов с 47,3 %

до 49,5 %, а в ревизионных комиссиях – с 44,2 % до 47,4 %. Хотя в этот год председателей сельсоветов в Астраханском межрайоне из татар уже насчитывалось 62 %, а татарское население численно значительно уступало русскому, партийное руководство сознательно шло на увеличение национальных кадров в руководстве сельсоветов. Во всех смешанных партийных ячейках создавался институт организаторов по работе с татарским и казахским населением. Председатель Марфинского райисполкома – русский, был заменен казахом. Но кадров все равно не хватало. Несмотря на решение бюро окружкома партии, принятого в декабре 1929 г., о доведении процента татар и казахов в техникумах города до 40 %, в действительности их было 7 %; на 8-ми месячных курсах по подготовке в высшие учебные заведения из 300 курсантов их было только 7 человек [10].

В 1932 г. на территории Астраханского межрайона процесс коренизации ускорился. За год число национальных руководящих работников повысилось с 23,4 % до 38,9 %. В аппаратах районов удельный вес представителей национальных меньшинств составил: в Володарском районе – 50 %, в Наримановском – 43,5 %. Набор в высшие и средние учебные заведения был увеличен с 693 чел. в 1931 г. до 1218 чел. в 1932 г. Однако отсутствие хорошего образования и навыков к профессиональной работе ставило казаховские национальные кадры в неравное положение с русскими специалистами. Руководство Володарского района даже задумывалось о разделении его на русскую и казахскую единицы.

Только к концу 1930-х гг. обстановка с кадрами в национальных районах несколько стабилизировалась. В резерве тюркских кадров по районам оставалось почти сто человека. Поэтому вышестоящие партийные организации требовали обратить внимание райкомов на повышение политического и общего образования национальных работников. В резерв требовалось включать людей с большим опытом производственной работы, стахановцев [14].

В заключении следует отметить, что классовый подход в национальной политике продолжал быть основополагающим. Партийными органами на местах осуществлялась установка съездов ВКП(б) по доведению экономического и культурного уровня «отсталых народов» до уровня русского. Искусственное создание национальных районов стало одним из экспериментов в области национальной политики. Созданные в условиях командной системы, они слабо учитывали этнические границы расселения народов. Попытка ускоренного создания национальных кадров зачастую приводила к их слабой профессиональной подготовке, некомпетентности, выдвижению случайных людей. Итоги коренизации оказались противоречивыми. Мероприятия, направленные на развитие национальной культуры и языка, безусловно, принесли свои плоды, дав этническим меньшинствам повысить образовательный и культурный уровни. Однако политика коренизации во многом осталась нереализованной на уровне национальных районов и сельских советов и не столько обеспечивала равные возможности для нацменьшинств по сравнению с другими национальностями, сколько подготавливала условия для их последующей унификации, обеспечив советизацию национальных образований.

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Нижне-Волжский район. Отдел II: Занятия. Отдельный отгиск табличной части. Москва, 1929. – Т. XX. – С. 448–449.
2. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 19–20.
3. ГАСДАО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1656. – Л. 3.
4. ГАСДАО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 229. – Л. 71–72.
5. ГАСДАО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 220. – Л. 33.
6. ГАСДАО. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 26.
7. ГАСДАО. – Ф. 15. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 27.
8. ГАСДАО. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 18.
9. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 178. – Л. 28–29.
10. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 178. – Л. 30–31.

11. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 28-а. – Л. 14–15.
12. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 346. – Л. 95–97.
13. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 74–75.
14. ГАСДАО. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 427. – Л. 122–123.
15. ГАСДАО. – Ф. 386. – Оп. 2. – Д. 93а. – Т. II. – Л. 383.
16. Коммунист. – 1928. – № 125 (3055). – С. 3.

References

1. *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. Nizhne-Volzhskij rajon. Otdel II: Zanjatija. Otdel'nyj ottisk tablichnoj chasti.* Moscow, 1929, vol. XX, pp. 448–449.
2. *Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj dokumentacii Astrahanskoj oblasti (GASDAO).* F. 1, Op. 1, D. 145, L. 19–20.
3. *GASDAO.* F. 1, Op. 1, D. 1656, L. 3.
4. *GASDAO.* F. 1, Op. 1, D. 229, L. 71–72.
5. *GASDAO.* F. 1, Op. 2, D. 220, L. 33.
6. *GASDAO.* F. 15, Op. 1, D. 25, L. 26.
7. *GASDAO.* F. 15, Op. 1, D. 25, L. 27.
8. *GASDAO.* F. 26, Op. 1, D. 4, L. 18.
9. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 178, L. 28–29.
10. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 178, L. 30–31.
11. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 28-а, L. 14–15.
12. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 346, L. 95–97.
13. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 40, L. 74–75.
14. *GASDAO.* F. 6, Op. 1, D. 427, L. 122–123.
15. *GASDAO.* F. 386, Op. 2, D. 93а, vol. II, L. 383.
16. *Kommunist.* 1928, no. 125 (3055), p. 3.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Тюрин Алексей Олегович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Тагищева, 20а
E-mail: tualol1977@yahoo.com

Важнейшим событием в общественной жизни Советского Союза во второй половине 1930-х гг. стали политические процессы над бывшими руководителями страны и высшим командным составом армии. Целью нашей статьи является изучение влияния политических процессов на повседневную жизнь горожан. В статье проанализированы материалы протоколов общих собраний, отдельные диалоги, высказывания и переписка горожан, рассмотрены отношения городского населения к участникам процессов, показаны используемые повседневные практики для разрешения конфликтных ситуаций. В результате можно заключить следующее: несмотря на одностороннее освещение судебных заседаний и хода расследования отношение горожан к личностям участников процессов было неоднозначным и варьировалось от поддержки обвинительной стороны до признания невиновности обвиняемых и фальсификации их показаний. Следовательно, большинство населения не поддерживало сторону государственного обвинения, т.е. курс власти. Несмотря на разность позиций, многие горожане поддержали практику «разоблачений» и доносительства при выявлении сторонников обвиняемых в регионах. Более того, население активно использовало сложившуюся ситуацию в ходе процессов для решения своих повседневных проблем и тем самым способствовало раскручиванию маховика массовых репрессий.

Ключевые слова: политические процессы, репрессии, повседневность, горожане, власть, пролетариат, политические митинги и собрания, провинция, Нижневолжский регион.